

Жан-Ришар Блок

•

Некоторые особенности советской литературы

Французский парод — самый остроумный народ на свете, и все-таки целых двадцать лет мошенникам, дуракам и фокусникам удавалось обманывать его и выдавать Советский Союз за какую-то гигантскую фальшивку.

Один знаменитый писатель¹ даже предпринял путешествие туда. А вернувшись, заявил, будто все там сплошное притворство, ложь, рабство, угнетение, лицемерие и посредственность. «Правда, — развязно добавил он, — я никогда не разбирался в политике и в экономике». Знаменитость эта напомнила мне одного сержанта инженерных войск, с которым мне пришлось столкнуться в минувшую войну. Мы занимали тогда довольно мерзкий участок между Бют-дю-Менилем и Мэн-де-Массижем. В этом секторе бесновались мины. Казалось, оба противника вот-вот взлетят на воздух. Скоро мы прониклись убеждением, что немецкие саперы скребутся где-то у нас под ногами. Мы стали нервничать. Потребовали специалистов с локаторами. Прибыл отряд инженерных войск, нагруженный очень тяжелыми аппаратами. Возглавлявший его сержант стал к микрофону. После нескольких попыток он хладнокровно заявил: «Ничего не слышно». А мы простым ухом различали, как скребут лопаты Нibelунгов. Я заорал на него. Тогда этот парень подошел поближе и прошептал: «Лейтенант, должен вам признаться, что я глухой. Только, пожалуйста, никому не говорите. Иначе меня вышвырнут, а ведь здесь такое теплое местечко!»

Вот так же мы целых двадцать пять лет ставили к микрофону по большей части глухих. А теплые местечки не перестали быть прибыльными.

И все-таки не будем отмахиваться от вопроса так же развязно, как и эти люди. Хотя они судят легковесно, предубежденно и некомпетентно, следует признать, что это вопрос тонкий, всегда был таким, таким и остается.

СССР — особый мир, своеобразие которого вырисовывается все ярче год от года. Его индивидуальность гораздо сильнее бросается в глаза в 1945 году, чем в 1925.

Почему?

По целому ряду причин. СССР — это живой и растущий организм. А следовательно, находящийся в процессе дифференциации. Главную роль тут играет политический режим, но не менее важные факторы также пространство и время.

Огромные пропорции (территория, в четыре раза превышающая Соединенные Штаты Америки и в сорок раз — Францию) придают социальным и политическим явлениям звучание и ритм, резко отличающиеся от тех, что царят в нашей действительности. Человек совершенно естественно мыслит себя и свои действия соразмерно гигантской раме, его окружающей.

СССР только начинает заполнять свои необъятные пределы. Он находится на стадии открытий, проектов, освоения. Каждый день приносит сведения о новых, нежданых богатствах на его громадных просторах. Пространство, которое было некогда бичом русского человека, стало ныне одним из источников его могущества.

Постоянно сталкиваясь с проблемами, которые ставили перед ним неумолимое пространство и столь же неумолимый климат, советский человек в то же время оказался вовлеченным в борьбу против грозной коалиции всех философий, всех религий, верований, образов жизни и образов мысли капиталистического мира. У него на глазах шестая часть планеты, на которой он живет, превратилась в политический и психологический остров, не только окруженный ненавистью, но и постоянно находящийся под угрозой всяческих провокаций и саботажа.

А вслед за тем была развязана война. Гитлеровская коалиция (армии пяти держав, все ресурсы целого континента, более или менее скрытое одобрение части мирового общественного мнения) подвергла молодого великана решительному испытанию. Он до предела напряг свои мышцы. Героизм стал повседневным явлением. Революция прочно связала личность с государством; опасность, грозящая обществу, превратила этот союз в нерасторжимое единство.

Классическая антитеза: личность против государства, качество против количества, талант против характера,— привычная для Запада, возведенная в культ, лелеемая как знак его интеллектуального превосходства, — эта антитеза оказалась преодоленной в СССР. И западные идеалисты наивно истолковали и это событие как пекое крушение, в ходе которого будто бы померкли критический дух, умственная свобода и «достоинство личности».

Русский человек всегда был и остается от природы чутким к смешному. Но его склонность к критике, часто беспощадной,

проявляется в конструктивном плане; государственная власть взыскивает к ней, опирается на нее в своей борьбе против злоупотреблений. И здесь тоже мы видим взаимоподдержку, а не спор.

Словом, это общество, стремящееся к полному развитию своей энергии, тогда как западные общества все больше ищут опору для своей цивилизации в эстетике.

Со времен Ватерлоо или, если хотите, со времен Брюмера² можно было наблюдать, как Люсьен Левен старался спасти свою честь путем разрыва с обесчестившим себя обществом. Вслед за тем Фредерик Моро, герой «Воспитания чувств», и иже с ним пытались спасти свою честь путем разрыва с классом, обесчестившим себя служением золотому тельцу.

Так, мало-помалу, в результате последовательных отречений человек Запада и его честь прилепились к единственным ценностям, казавшимся ему нетленными,— к ценностям эстетическим. С Бодлером и символистами эта тенденция побеждает, процесс завершается. Духовный разброд после первой мировой войны, связанный с разбродом политическим и социальным, послужил как бы оправданием этой внутренней оборонительной позиции западного интеллигента. Вся история литературы и искусства за четверть века между 1914 и 1939 годами заимствовала свои существенные черты из этой позы отказа.

Искусство Малларме, Рембо, Сезанна и тяготеющих кnim современников является для элиты неким духовным островом Цитеры, где находит себе убежище французское превосходство. Французские интеллектуалы демонстративно отворачиваются от государственных проблем, которые считаются запятнанными политикой, от проблем материального производства, которые считаются зараженными игрой частных интересов.

Я говорю, что они демонстративно принимают эту позу, потому что в действительности художник, писатель из элиты остается прикованным к элегантному обществу, к светским салонам, к привилегированным кругам — ведь только эти круги могут удовлетворить потребность в изяществе, к коему он стремится, и в деньгах, коих он жаждет.

Но во всеуслышание западный интеллектуальный дендиизм провозглашает культ индивида, не согласного с государством. Личность утверждает себя только в противопоставлении массе. Проблема качества выражается лишь в противоречии с проблемой количества.

Сегодня я ограничусь только этим аспектом водораздела между западным и советским духовным складом.

Здесь — непреодоленное противоречие, болезненные результаты которого любовно поддерживаются, порождают расслабленность и изнеженность в духе древней Александрии. Там — преодоленное противоречие и синтез, принимающий форму энергии.

Здесь — культивирование личности, отданной во власть всякого рода отклонений от нормы, извращений и тревоги. Там — общество, не жалеющее усилий на то, чтобы неустанно сокращать объем тревоги как в материальной, так и в психической сфере.

Здесь — общество, изжившее свою современную форму, умирает в бреду изысканности и эстетства; там — общество молодое не только с демографической точки зрения, но и по тому духовному климату, который установило в нем господствующее философское учение — марксизм.

Иными словами, это общество молодо, потому что оно полно надежд, порождаемых в умах почти безграничной перспективой развития человеческих возможностей и, как следствие этого, перспективой бесконечного улучшения условий человеческого существования.

Большевистское общество обладает могучим динанизмом, оно открыто будущему и как бы устремлено к нему. Поэтому общество пожинает плоды оптимизма, но избавлено от его отрицательных сторон. Например, оно, насколько это возможно, застраховано от чванства и самодовольства — обычных недостатков психологии первооткрывателя.

Значит ли это, что для советской литературы запретно исследование своеобразных сторон человеческой личности? Думать так было бы ошибкой. Да и богатства, унаследованные ею от прошлого, делают такую идею абсурдной. Но советская литература никогда не анализирует эту проблему (марксизм запрещает ей это) так, как делают Пиранделло³ и многие другие: видя в анализе предлог или удобный случай для разложения, распыления и в конце концов растворения личности. Советская литература никогда не теряет из виду главную свою цель, состоящую в том, чтобы воссоздавать для жизни и действия то, что было разделено для анализа.

Гораздо более верная греческой традиции, чем те, кто в Париже, Оксфорде и Германии именуют себя неоплатониками, советская литература постоянно помнит о своей гуманистической миссии. Она отвергает мнимую «объективность», которая с удовольствием разрушает человеческую личность под предлогом, что так удобнее ее изучать.

В результате войны эти характерные черты советской литературы простиупили еще яснее. Народ и армия с радостью находят

в ней свой образ. Эта литература предана народу, и он платит ей такой же волнующей преданностью. Ни у одного народа нет такого количества читателей, зрителей. Нигде писатель так тесно не связан со своей публикой.

...Подводя итоги, заметим, что французскому читателю хорошо бы запомнить это, приступая к чтению советских писателей последних лет.

1945